хом содержими: радостию, яко Соловецкий остров видим, страхом же и боязнию великою содержими — како к нему пристанем, еда како сотрени будем от ледов. И приближихомся ко острову, яко уже нам и брег видети. У брега же аки стена высока заломало ледом. А другим ледовом созади нас постизающим близ. Нам же с ледом и волнами вкупе носящимся семо и овамо мятущимся, понеже несть где бы возможно пристати и избыти погибели своея. Вси же вкупе возстенавше горко плачуще и велегласно возопихом: „О преподобнии чюдотворцы Зосимо и Савватие, покажите милость и избавите от нужные смерти скораго потопления. В пучине бо бывше не погрязнухом, се ныне у острова вашего видите нас погибающих!“ Сице нам вопиющим и обеты воздаем грехов своих, и уже живота отчаявшимся и не надеемся живыми быти. Ту аби чудно есть видети, и не токмо видети, но и слышати — преславно вскоре бог милость свою посылает молитвами преподобных отец Зосимы и Савватиа. В том чясе скоро около нас ледов начаша ставитися и высоко, аки руками полагахуся, к нам же нимало притисняхуся. И толико вънутрь ледов воды простыя, елико суды наша вместишася. Мы же вся шесть судов вкупе внутрь, аки во ограде некоей твердей на воде стояхом вси целы невредно. Токмо единое судно седмое не успе к нам во ограду, ту вскоре, аки слово рещи, засыпало его ледом. Людие же вси судна того соблюде бог и избыша к нам во ограду, богом зданную, вси целы и невредимы. И яко преста волнение и едва возмогохом из ограды тоя изыти — седмь бо дний тружахомся леды разчищающе. Всех же нас бысть 70[ть] человек, и засыпаное то седмое судно извлекше изо льду мало изломано, и паки исправихом его, а яже в нем потребы и запасы все цело и невредимо. Мы же изшедше изъвнутрь ограждения того седьмию деньми разчищающе лед» (л. 62—62 об.).

Подобного рода примеры из Жития Савватия и Зосимы можно значительно увеличить. Такой же характер почти всех чудес в Житии Варлаама Керетского. Сходные чудеса найдем мы и в Житии Иоанна и Логгина Яренгских и в ряде других севернорусских житий. В данном случае мы остановились лишь на специфически поморских чудесах, но и многие чудеса иного содержания в этих житиях поражают читателя своей близостью к реальной жизни, отражением быта, своим повествовательным характером: каждое из таких чудес — рассказ о драматически ярком событии из жизни простых людей. Для приведенных выше примеров, как, впрочем, и для большинства чудес такого рода, характерно, что все они ведутся от первого лица. Это придает таким рассказам автобиографическую живость, делает их не просто иллюстрацией подвигов восхваляемого святого, а самостоятельным живым рассказом, возбуждающим читательский интерес, заставляющим читателя сопереживать описываемые события.

Судьба человека — сущность каждого чуда вообще, и в этом отношении каждое чудо из любого жития должно было волновать читателя, возбуждать его интерес. Но в подавляющем большинстве чудеса как элемент церковно-служебного житийного текста — иллюстративный, в общем-то схематический и отвлеченный, рассказ. Вот, например, рассказ о чуде из Жития Кирилла Белозерского.

«О зле беснующемся. По сем же времени приведоша иного человека Симеона именем. Тъй бяше бесом мучим, якоже и предреченъный Иван, связан узами железными и по руку и по ногу. И уже яко злодея водима и биема, яко да възможет млъчати. Но убо елико бияху его, толико множае неистовашеся. И тако привязавъше его к среде, чающе помощи преподобнаго Кирилла. И пребысть ту неделю ни ады, ни пиа, но тако мучим страдаше. Таже благодатию Христовою и молитвами блаженънаго Ки-